

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук
Александровой Татьяны Львовны
на тему «Поэзия императрицы Евдокии в контексте развития
позднеантичной литературы»
по специальности 10.02.14 — «классическая филология,
византийская и новогреческая филология»

Позднеантичная литература в целом и позднеантичная поэзия в частности традиционно являются одним из приоритетных направлений исследований филологов-классиков. Достаточно вспомнить имена таких корифеев отечественной филологической науки как С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. В их трудах ставились и решались такие характерные для этого сложного и противоречивого культурного периода проблемы, как сосуществование языческой и христианской литературных традиций, их взаимопроникновение и взаимовлияние, восприятие христианской литературной традицией литературных норм античности, адаптация и рецепция этих норм в памятниках христианской литературы.

В этом научном контексте весьма значимым представляется исследование Т.Л. Александровой. Его **актуальность** заключается в том, что оно посвящено изучению литературного наследия уникальной по своему статусу императрицы фигуры Евдокии, которая благодаря этому статусу была в курсе всех современных литературных тенденций и веяний и отражала их в своем творчестве. С другой же стороны, она сама имела возможность влияния на культурную и литературную атмосферу эпохи. Таким образом, анализ творчества императрицы Евдокии находящейся в мейнстриме современных ей литературных процессов, способен высветить неизвестные или малоизученные аспекты литературных явлений этого периода. Однако до сих пор не существовало исследования, которое давало

бы целостное представление о творчестве императрицы Евдокии, вписанном в контекст ее жизни и эпохи. Диссертация Т.Л. Александровой является восполнением этой лакуны. Из вышесказанного вытекает и **новизна** исследования, в котором многие аспекты творчества императрицы Евдокии находят свежее и неординарное освещение. Например, Т.Л. Александрова впервые представляет целостный анализ ее творчества в контексте литературного процесса эпохи, по-новому оценивает историческую роль как императора Феодосия, так и самой императрицы, рассматривает творчество императрицы Евдокии во взаимосвязи с ее исторической эпохой, что дает возможность прояснить некоторые спорные моменты ее сочинений. Исследовательница уточняет степень авторского вклада императрицы Евдокии в усваиваемые ей произведения, опровергает сложившуюся точку зрения о недостаточно высоком уровне поэтического мастерства византийской императрицы.

Диссертационное исследование Т.Л. Александровой состоит из Введения, семи глав, Заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, насчитывающего 371 позицию на нескольких языках, а также Приложения, содержащего подробный исторический экскурс в эпоху императора Феодосия II и императрицы Евдокии.

Во Введении описывается общая проблематика работы, дается перечисление тех проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователю творчества императрицы Евдокии, очерчиваются основные вопросы, на которые предстоит дать ответ в диссертации, определяется **объект** исследования (поэтическое наследие императрицы Евдокии в полном объеме). Свою **цель** автор монографии видит в том, чтобы дать полный анализ творчества императрицы Евдокии, определить его место в современном ей литературном процессе и выявить связи с предшествующей литературной традицией. Для достижения этой цели автору диссертации приходится решать ряд сложных **задач**, таких как реконструкция биографии

Евдокии с учетом всех имеющихся источников, установление причин появления легенд об императрице, рассмотрение всех сохранившихся, а также известных лишь по упоминаниям и пересказам ее произведений, установление круга источников, на которые она опиралась в своем творчестве, анализ языка, стиля, метрики и жанра ее сочинений и, наконец, определение общих тенденция развития позднеантичной литературы, отразившихся в ее поэзии. Предваряя окончательные выводы, отметим, что поставленные задачи были успешно решены автором диссертационного исследования. Помимо этого, во Введении обосновываются новизна и актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость, а также дано описание методологии исследования.

Первые две главы диссертации Т.Л. Александровой носят исторический характер. В первой главе «Путь Афинаиды-Евдокии к трону: история и легенды» рассматривается происхождение и воспитание будущей императрицы, а также причины ее возвышения и вступления в брак с Феодосием. Т.Л. Александрова подробно рассматривает расхожую версию этих событий, неоднократно повторяемую историками и сводящуюся к тому, что император Феодосий II был слаб, и доминировала при дворе его сестра Пульхерия, которой и была обязана своим возвышением Афинаида-Евдокия. Благодаря кропотливому анализу источников и историческим сопоставлениям, Т.Л. Александрова предложила иную версию возвышения Евдокия, связанную вовсе не с Пульхерией, выражающей интересы консервативной элиты, а влиятельной придворной партии просвещенных интеллектуалов, «христианских эллинистов», ратующих за синтез античной и христианской культур.

Вторая глава «Отстранение Евдокии от власти. Причины возникновения легенд» является логическим продолжением первой. Основной пафос этой главы – опровержение легенд, повторяемых византийскими историками и хронистами о том, что устранение Евдокии от власти и ее удаление в Палестину было следствием ревности императора

Феодосия и на этой почве разрыва с Евдокией. Рассматривая данные различных источников, в том числе нумизматических, Т.Л. Александрова приходит к выводу, что отъезд Евдокии в Иерусалим не был следствием разрыва с мужем и опалы. Версия об опале, как демонстрирует Т.Л. Александрова, имела позднее происхождение и исходила из среды императорской четы Маркиана и Пульхерии, пришедших к власти после гибели Феодосия II, и имела целью принизить Евдокию и ту политическую линию, которую проводил ее муж при поддержке царственной супруги.

Таким образом, Т.Л. Александрова предлагает свою интерпретацию истории царствования императора Феодосия II и той роли, которую играла императрица Евдокия в истории этого царствования. Согласно исследовательнице, Феодосий II не был слабым и несамостоятельным правителем, как он обычно изображается в источниках, но, напротив, просвещенным монархом, проводящим линию культурного примирения между уходящей в прошлое языческой традицией и расцветающей христианской культурой, в чем ему в большой степени содействовала его жена и единомышленница Евдокия. Эта версия имеет основания, будучи подтверждена анализом многочисленных источников и сопоставлением исторических фактов.

Неоспоримой заслугой Т.Л. Александровой является, если так можно сказать, «делегендаризация» истории царствования императора Феодосия II. Хорошо известно, что многие исторические исследования, в том числе принадлежащие серьезным ученым, до сих пор не свободны от влияния средневековых легенд (в частности, это относится к некоторым исследователям, освещавшим в своих трудах деятельность Иоанна Златоуста, таким как К. Холэм, Р. Брендле, Дж. Келли), в то время как такая некритичная привязка к легендарным данным мешает восстановлению объективной исторической картины.

Исторический образ императрицы Евдокии как просвещенной представительницы «христианского эллинизма» находит дальнейшее

подтверждение и в исследовании ее литературного творчества. Третья глава диссертации посвящена поэтическому творчеству Евдокии и литературному процессу ее эпохи. Здесь Т.Л. Александрова дает общую характеристику позднеантичной поэзии, рассматривает, как ее основные тенденции нашли отражение в творчестве Евдокии, а также анализирует не дошедшие до нас произведения византийской императрицы. Во втором параграфе этой главы исследовательница обращается к принадлежащей Евдокии поэме о войне с персами, о которой упоминается в «Церковной истории» Сократа Схоластика. Татьяна Львовна высказывает предположение, что поэма была известна церковному историку и, возможно, была даже использована им в его собственном описании событий персидской войны. Наиболее значимым аргументом, приведенным исследовательницей в пользу этой версии, является ее утверждение о том, что в описании Сократа четко прослеживаются идеологические установки Феодосия II, которые, по всей видимости, содержались и в не сохранившейся поэме Евдокии. Кроме того, приведенные Татьяной Львовной параллели между описанием Сократа и поэмой «Блемиомахия», принадлежавшей одному из поэтов круга Евдокии, для которой поэма Евдокии могла послужить источником образов, косвенным образом указывает на связь поэмы Евдокии и повествования Сократа. Эти наблюдения исследовательницы имеют большую научную значимость, поскольку, хотя и не существует других, более веских данных о поэме Евдокии о войне с персами, тем не менее, открыт путь для будущих исследований и, возможно, открытий в этой области.

В третьем параграфе рассматриваются библейские парафразы императрицы Евдокии, упоминание о которых содержится в «Библиотеке» патриарха Фотия. Татьяна Львовна стремится дать объяснение, почему императрица Евдокия обратилась к парафразам конкретных библейских книг: Восьмикнижия, книги пророка Захарии, книги пророка Даниила. Исследовательница проводит параллели между библейскими книгами, к которым обратилась императрица и ее личной судьбой и творчеством.

Четвертый параграф посвящен эпиграммам императрицы Евдокии, из которых только одна (эпиграмма из гадарских бань) бесспорно принадлежит ей. Исследовательница подробно рассматривает эту эпиграмму, сравнивая ее лексику с лексикой произведений других поэтов, и приходит к выводу, что в этом произведении использованы те же источники, что и в гомеровском центоне. Татьяна Львовна подчеркивает, что благодаря анализу этой эпиграммы можно лучше понять метод работы Евдокии: использование устойчивых эпических формул или в качестве микроцитаты, или в качестве отдельных слов, поставленных в ту же метрическую позицию, что и в ее источниках. Это наблюдение помогает исследовательнице сделать вывод о том, что подобный метод работы не был изобретением Евдокии, но она опиралась на уже существующую поэтическую традицию, и таким образом упреки, обращенные к Евдокии в недостаточном литературном совершенстве ее сочинений, выдвигаемые исследователями ее творчества, теряют свою остроту. Поднятая здесь проблема литературного мастерства византийской императрицы найдет продолжение в последующих главах диссертационного исследования.

Следующий параграф посвящен анализу фрагмента о монашестве, вставленного в рассказ «Церковной истории» Евагрия Схоластика о благотворительной деятельности императрицы Евдокии в Палестине. Т.Л. Александрова высказывает предположение, что в основе этого фрагмента лежит текст, созданный самой Евдокией, но дошедший до Евагрия опосредованно, возможно даже, что он является парафразом ее поэтического сочинения. Последнее замечание отчасти снимает вопрос, почему прозаический текст рассматривается наряду с поэтическими произведениями.

Четвертая глава диссертации «“Поэма о св. Киприане”: история текста, источники. Вопрос авторского вклада Евдокии» занимает одно из центральных мест диссертационного исследования и посвящена уникальному литературному памятнику – единственному образцу позднеантичного жития, написанного гекзаметром. В главе подробно рассмотрена история текста,

история формирования легенды о Киприане, текст поэмы соотнесен с жизнью самой императрицы Евдокии и указываются те моменты ее биографии, которые могли найти отражение в поэме.

Научная значимость этой главы заключается в том, что Татьяна Львовна, проведя кропотливый филологический анализ, высказала предположение, что прозаические версии легенды о Киприане не послужили источником поэмы Евдокии, а наоборот, представляют собой ее прозаический парафраз. Таким образом, авторский вклад царственной поэтессы оказывается гораздо более значительным, чем это представлялось раньше.

В пятой главе «Источники поэтического текста» рассматриваются параллельные места в поэме Евдокии и других поэтических текстах: Гомера, Григория Богослова, Нонна, Кира из Панополя, Пруденция. Татьяна Львовна привлекает внимание к тому широкому кругу текстов, к которым обращалась Евдокия, и акцентирует внимание на особенностях использования ею «чужой» лексики. Например, обращаясь к гомеровской лексике, она прибегает к перестановке в другую метрическую позицию, замене гомеровской формулы на аналогичное по грамматической форме и звучанию выражение, употреблению редких гомеровских форм, переосмыслению гомеровской лексики и приписывание ей нового христианского смысла.

Важным научным выводом Т.Л. Александровой, сделанным в этой главе, является мысль о единстве методов работы античных поэтов. Она отмечает, что даже Нонн, виртуозно владевший техникой стиха, обращался к поэзии Григория Богослова как к образцу и источнику. Это дает возможность исследовательнице продемонстрировать, что, творчество императрицы Евдокии, которая также пользовалась этим методом, находится в русле современной ей поэтической традиции.

Шестая глава диссертации посвящена гомеровскому центону. В этой главе исследовательница рассматривает существующие редакции этого произведения (1 НС, 2 НС) и приводит аргументы в пользу того, что не

епископ Патрикий, а именно императрица Евдокия была автором 1 НС. В числе доказательств этого, приводимых исследовательницей, являющихся с нашей точки зрения весьма убедительными, отметим такие, как употребление характерных для Евдокии «двойных строчек», употребление редкой, характерной именно для Евдокии лексики и даже наличие собственных ей ошибок, аллюзии на современную Евдокии политическую ситуацию. Обратим также внимание на один весьма интересный частный вывод сделанный исследовательницей. Она отмечает возможное влияние гомеровских центонов на византийскую гимнографию, что может стать предметом дальнейших исследования специалистов.

Особого внимания заслуживает глубокий и тонкий анализ интертекстуальности в гомеровском центоне. Полемизируя с мнением К. Холэма, что использование гомеровских образов в творчестве императрицы Евдокии ведет к превратной интерпретации образов христианских, Татьяна Львовна привлекает внимание к неоплатонической традиции толкования Гомера, согласно которой в его образах заключены идеи, выражающие скрытые смыслы. Исследовательница видит в византийской императрице верную последовательницу этой традиции, которую она продолжает в русле христианской культуры. Анализируя интерпретацию гомеровских заимствований в творчестве императрицы Евдокии, Т.Л. Александрова обращается к понятию интертекстуальности и утверждает, что гомеровские строчки в творчестве Евдокии начинают играть новыми смыслами, в которых поэтесса видит «высшую правду», «возможность усмотреть ... пророчества о Христе и Его Церкви». Например, сравнивая строки Гомера, посвященные богине Афине, которые Евдокия использует применительно к Христу, Т.Л. Александрова делает вывод, что, согласно Евдокии, «как Афина – дочь Зевса, рожденная без матери, так Христос – предвечно рожденный от Отца Сын Божий. Гомер, таким образом, пророчествует о безматернем рождении Бога-Сына от Отца». Точно также слова «нектар» и «амвросия», напиток и пища бессмертия, употребленные у Гомера и использованные Евдокией в строках о

Тайной вечери, принимают на себя смысл хлеба и вина, которые, прелаясь в Тело и Кровь Христовы, дают человеку бессмертие и жизнь вечную. Таким образом рождение Афины без матери прообразует предвечное рождение Сына Божия, а нектар и амвросия – евхаристические хлеб и вино. В тексте диссертации проанализировано еще несколько фрагментов гомеровского центона, несущих интертекстуальную нагрузку однако останавливаться на них не будем ради экономии места и времени.

Анализ интертекстуальности гомеровского центона, проведенный Т.Л. Александровой высвечивает весьма интересную параллель между подходом императрицы Евдокии к интерпретации гомеровского текста и методом христианской типологической экзегезы, когда библейские события, лица и установления рассматриваются как прообразы событий новозаветных.

Анализ интертекстуальности гомеровского центона лежит в русле общей концепции, выдвинутой Т.Л. Александровой об идеологии примирения, «христианского эллинизма», исповедуемой византийской императрицей.

В седьмой главе диссертации «Поэтический язык Евдокии» разбираются особенности языка, метрика и просодия, риторические приемы, а также жанровое своеобразие произведений императрицы Евдокии. Особенно интересен параграф этой главы, в котором Татьяна Львовна анализирует те претензии, которые выдвигают к творчеству Евдокии некоторые исследователи. Эти претензии сводятся к тому, что поэтесса смешивает разные диалекты, усложняет синтаксис, не делает разницы между долгими и краткими слогами, допускает некоторые неблагозвучные фонетические явления, как, например, зияние.

Опровергая выдвигаемые Евдокии упреки, Т.Л. Александрова на основе кропотливого сопоставления ее поэзии с поэзией таких знаменитых поэтов периода поздней античности как Нонн, Григорий Богослов, Синесий Киренский, Павел Силенциарий, делает вывод, что творчество императрицы Евдокии лежит в контексте предшествовавшей поэтической традиции, и те

отступления от классической нормы, которые исследователи наблюдают в ее поэзии, объясняются тем, что та традиция, на которую она опиралась, хотя и ориентировалась на классические образцы, но была уже традицией новой христианской поэзии, которая переосмысляла античную классику и вырабатывала уже собственные литературные нормы. Эти наблюдения относительно динамики литературного процесса периода поздней античности весьма интересны и имеют большое научное значение.

В параграфе, посвященном анализу риторических приемов, к которым прибегала императрица Евдокия, особого внимания заслуживает вывод сделанный исследовательницей, что сочинения Евдокии являются синтезом античной системы риторического обучения и того нового материала, с которым работали христианские авторы. Таким образом, Татьяна Львовна, экстраполируя особенности творчества императрицы Евдокии на позднеантичную поэзию в целом, раскрывает творческую мастерскую христианского поэта этого периода.

Отметим также параграф, посвященный жанровому своеобразию сочинений Евдокии. Т.Л. Александрова отмечает известное явление модификации и смешения жанров в позднеантичной литературе. Обращаясь к жанровой характеристике центона, она приходит к выводу, что центон – это не техника исполнения, а отдельный жанр, однако его жанровая природа имеет свои особенности, поскольку он вбирает в себя элементы тех жанров, которые в нем использованы. Исследовательница делает вывод, что Гомеровский центон и поэма «О св. Киприане», принадлежа к жанру центона, включают в себя различные жанровые формы: парафразу, евангельскую симфонию, комментарий, роман, буколическую идиллию и элементы гимна. Исследование жанрового своеобразия творчества императрицы Евдокии, которое также, как и особенности языка и стиля поэтессы, и использования ею риторических приемов, лежит в русле формирования новых тенденций в позднеантичной христианской литературе,

также высвечивает особенности литературного процесса в контексте культурной динамики эпохи.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования.

В Приложении дается общая характеристика эпохи правления императора Феодосия II, рассматриваются проблемы внутренней, внешней и церковной политики.

В целом можно сказать, что диссертационное исследование Татьяны Львовны Александровой представляет собой выполненную на высоком уровне научную работу, в которой многие аспекты творчества императрицы Евдокии раскрыты, с одной стороны оригинально и по-новому, но, с другой, подкреплены кропотливым научным анализом. Диссертационное исследование Татьяны Львовны Александровой поднимает творчество императрицы Евдокии на новую ступень, демонстрируя, что ее поэзия имеет гораздо большую литературную ценность, нежели это представлялось в исследованиях ее предшественников.

Следует отметить цельность исследования. Его историческая часть, которой посвящены две первые главы, дает необходимый фундамент для филологического анализа, поскольку многие вопросы, связанные с творчеством императрицы Евдокии было бы сложно решить без использования исторического материала. Например, объясняя, почему Евдокия в своих библейских парафразах обращалась именно к той или иной библейской книге, Татьяна Львовна обращается к биографии императрицы и ищет параллели между библейскими повествованиями и фактами жизни самой Евдокии. Другим примером может послужить принадлежность перу Евдокии 1НС, поскольку одним из аргументов, подтверждающих ее авторство, приводимых Татьяной Львовной, являются аллюзии на современную политическую ситуацию.

В своем диссертационном исследовании Татьяна Львовна через призму поэзии императрицы Евдокии смогла увидеть общие тенденции развития

позднеантичной христианской поэзии, показать единство методов поэтов, принадлежащих этой традиции, раскрыть их «творческую лабораторию».

Неоспоримая научная заслуга Т.Л. Александровой заключается в том, что в ее диссертационном исследовании наглядно представлена трансформация литературного процесса в свете культурной динамики периода поздней античности, как на уровне языка, так и на уровне стихосложения, риторики и жанрового своеобразия.

Следует, однако, указать на некоторые неточности и не вполне четкие формулировки, имеющие место в диссертации. Об одной из них уже было сказано выше. Анализируя фрагмент о монашестве, интерполированный в «Церковную историю» Евагрия Схоластика, Т.Л. Александрова не оговаривает, какой это текст, поэтический, или прозаический, и создается впечатление, что в рассмотрение поэтического творчества Евдокии, по какой-то причине включено и прозаическое сочинение. Ниже исследовательница уточняет, что прозаическое произведение могло быть парафразом поэтического сочинения Евдокии, но лучше было бы оговорить это сразу.

Кроме того, в параграфе об интертекстуальности не вполне четко разграничены понятия типологии и аллегии. С одной стороны, сказано, что «жестоким сценам у Гомера дается типологическое толкование», а, с другой, что «гомеровское повествование начинает восприниматься как аллегория». Типология – это выявление связей между событиями, лицами и установлениями в текстах, являющихся прообразами тех же событий, лиц и установлений в другом, более позднем тексте, в то время как аллегория апеллирует не к событиям, действиям и лицам, а к отвлеченным понятиям: порокам, добродетелям. Так как же воспринимается гомеровское повествование, как аллегория, или как текст, содержащий прообразы, указывающие на истину?

Вместе с тем указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.

Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.14 — «классическая филология, византийская и новогреческая филология» по филологическим наукам, а также критериям пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Публикации и автореферат отражают основные положения диссертации.

Таким образом соискатель Татьяна Львовна Александрова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 — «классическая филология, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент

Доктор филологических наук,

Ведущий научный сотрудник

Отдела литератур стран Азии и Африки

Института мировой литературы А.М. Горького

Российской Академии наук

БАЛАХОВСКАЯ Александра Сергеевна

А. Балаховская

13.12.2018

Контактны

2, кв. 49; а.

Специальн

официальн

10.01.03 – л

Адрес мест

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук

АН
. 25, к.

